

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ:

Кн. обозрение. — 1999 — Явл. — с. 16

«МЫ ЖИВЕМ НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

«Когда я писала, это была будто не совсем я... На меня словно что-то дунуло», — говорит Ирина Поволоцкая о своей первой повести «Разновразие», которая принесла автору престижную награду от Академии российской словесности — Малую литературную премию имени Аполлона Григорьева. И теперь читателям открыта дорога в особый мир — в город Чириков, в пестрое изобилие — разноразие — сказочно-житейских историй на фоне Истории.

— Ваш дебют, Ирина Игоревна, состоялся довольно стремительно, и это отрадно: талантливый автор был замечен, выдвинут. Но оригинальность никак не отрицает культурной переклички. Один ваш рассказ — «Дядя Саша и Анечка» — заставил меня вспомнить «Русю» Бунина. Другой — «Последний Авангард» — развернул в сторону Шукшина, а главное произведение воскресило мир Лескова или, скорее, Мельникова-Печерского. Мои предположения верны?

— Каждый слышит по-своему. Если искать связи, то сама я ощущаю себя где-то «в области» Ивана Шмелева и Бориса Зайцева. И еще, пожалуй, Бориса Шергина. В меньшей степени влиял Лесков. Мне всегда казалось, что Лесков — это в некотором смысле тупиковая ветвь. Можно восхищаться, подражать, но невозможно эту традицию продолжать. Что же до Мельникова-Печерского, то о нем я знала как о знакомом прадедушке, писателем он «стал» для меня уже позже. Воспоминаний было так много, что до сих пор у меня

нет твердой уверенности: что было на самом деле, а что я прочитала где-то. Я вроде бы переняла бабушкин взгляд на литературу: в Лаврецком ей виделся ее несчастный отец, сын крестянки, который не мог унаследовать фамилию своего отца, очень высокого вельможи. Раз за разом бабушка перечитывала «Дворянское гнездо» и вспоминала... О том, как на Рождество в их семье ставили елку, как приходили отставные солдаты играть «Царя Максимилиана», народное раешное представление. Если бы мне повезло, это все могло бы быть написано...

— Другими словами, семейные предания стали бы тканью ваших новых произведений. И главная героиня «Разновразия» Наталья-кухарка существовала на самом деле? Анимация реальных событий и образов — ваш постоянный творческий прием?

— Нет. Я люблю придумывать. И любила всегда. Правда, Наталья — реальный человек, она была няней моей дочери. Потрясающе талантливая женщина — во всем, и в слове, и в стряпне. От одного ее присутствия я порой

чувствовала себя счастливой. Но ее приключения мной выдуманы. Настоящая литература — это вымысел, даже если это литература «конца века», о котором так модно говорить. Но мне странно это: какой конец века? Что кончается? Жизнь? И поэтому в книжных магазинах полно «примечаний к примечаниям» — свидетельства и уточнений к тому, что уже написано другими? Других книг почти нет, за исключением входящих в бесконечные популярны сериалы. Нет, игра в конце концов не кажется мне серьезным занятием. Достаточно выйти на улицу — и какой конец века? Кто в агонии? Все живут.

— Но не все, наверное, разделяют ваш оптимизм?

— Один священник сказал мне, что все люди ведут себя «в рамках», пока не попали в ситуацию: на пожаре, в наводнении, в бою они становятся самими собой, обрывается бесконечное пограничное состояние, раскрывается человек. Мы живем на заре человечества. Может быть, ситуация еще не проступила, большинство людей не явили нам свое истинное лицо. Но не надо ругать

время, называть его тяжелым.

— Однако все наши произведения «отодвинуты» от наших дней на приличную дистанцию. Вы не хотите писать «сегодня про сегодня»?

— Я слышу современность, но писать о ней мне трудно. Трудно подхватить интонацию, а она для меня очень важна. И потом мне интересно время, которое уходит в разные стороны... Это не принималось, когда я занималась журналистикой.

— До того, как стать писателем, вы были журналисткой?

— Была. Но сначала окончила ВГИК, режиссерский факультет, сняла несколько фильмов. Но не сделала карьеры в кино. И ушла: нельзя же тратить жизнь на тоску стояния перед запертой дверью. Моя жизнь изменилась, я стала писать очерки об артистах, брать интервью. Журналистика давалась мне трудно: материалы редко нравились моим героям, а я тратила на них уйму сил и времени. В начале девяностых, когда стало просто опасно ездить, я оставила эту работу. И что-то еще произошло во мне. Опять изменилась жизнь —

главным образом внутренне, незаметно со стороны. Еще в 1986 году мой рассказ «Дядя Саша и Анечка», сократив, напечатал «Октябрь». До следующей серьезной публикации прошло десять лет — трудных, но небесплодных. Хотя, когда издательство «Лимбус-пресс» предложило издать книгу, я долго колебалась. Книга — это серьезно.

— Зато теперь можно сказать, что все прошлые неудачи, минусы сложились в плюс? Обернулись везением, счастьем?

— Я плохая христианка, но христианка. Про счастье не знаю, а вот что уныние — грех, а жизнь — подарок, слава Богу, поняла давно.

Беседовала
Мария ПУПШЕВА